

Т. Е. Никольская

Литературный институт им. А. М. Горького, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-9571-5417 E-mail: t.e.nikolskaya@gmail.com.

Рожденные революцией: мемы революционной эпохи в языке и культуре современности

АННОТАЦИЯ. Автор рассматривает языковое и культурное наследие Октябрьской революции 1917 года сквозь призму теории мемов. В соответствии с этой теорией, мемы представляют собой воспроизводимые и реплицируемые единицы культурной информации, которые в процессе передачи от поколения к поколению эволюционируют так же, как и гены, несущие биологическую информацию. В статье анализируются пути эволюции и трансформация содержательного и оценочного компонентов таких мемов, как «шторм Зимнего дворца», «апрельские тезисы», «залп крейсера „Аврора“» и «Керенский». Особое внимание уделяется словесному воплощению названных мемов, так как, при всем возможном многообразии их закрепленности в коллективной памяти, только воспроизведение мема в языковой форме является универсальным. В ходе изучения материала применялись методы дискурсивного, контекстуального и стилистического анализа. В результате анализа бытования мемов, порожденных Октябрьской революцией, автор приходит к следующим выводам: (1) большинство рассмотренных мемов с течением времени изменили ценностное содержание; (2) эволюция мемов определяется автономной последовательной трансформацией их формы и содержания; (3) эволюция содержательной стороны мемов носит линейный или цепочечный характер; (4) вербальная форма мема эволюционирует в направлении развития идиоматичности, что ведет к развитию самоценности означающего; (5) большей устойчивостью во времени обладают мемы, имеющие разнородные формальные средства выражения; (6) революция 1917 г. является мемом с доминантой формы над содержанием.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мемы; протомемы; Октябрьская революция; политический дискурс; дискурс-анализ; языковое наследие; культурное наследие.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Никольская Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, Литературный институт имени А. М. Горького; 123104, Россия, г. Москва, Тверской бульвар, 25; e-mail: t.e.nikolskaya@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Никольская, Т. Е. Рожденные революцией: мемы революционной эпохи в языке и культуре современности / Т. Е. Никольская // Политическая лингвистика. — 2019. — № 4 (76). — С. 103-112. — DOI 10.26170/pl19-04-11.

Сегодня словом «мем» обычно называют картинку, фотографию или видео с ироничной или просто смешной подписью. Между тем интернет-мемы — это вариант реализации более глобального явления, впервые идентифицированного британским ученым-биологом Ричардом Докинзом в 1976 г. В монографии «Эгоистичный ген» («The Selfish Gene», Oxford University Press, USA, 1976) он, рассматривая эволюцию через призму генетики, экстраполирует на культуру биологические закономерности передачи наследственной информации. При этом аналогом гена как элементарной единицы наследственного кода является мем (переводчица книги Р. Докинза Н. О. Фомина транскрибировала термин тете как «мим», однако такой вариант не получил достаточного распространения, поэтому в настоящей работе нами используется ставший более привычным «мем»). Мем (по аналогии с «ген», от греч. μίμημα — то, что повторяется, имитируется), по Докинзу, — это репликатор культурного наследия, «единица имитации» [Докинз 2019: 295]. Примерами мемов служит длин-

ный ряд разнородных предметов и явлений, как то: «мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок» [Там же]. Докинз вкратце описывает механизм распространения мемов, отводя центральную роль процессу имитации в широком смысле слова. «Если ученый услышал или прочитал об интересной идее, он сообщает о ней своим коллегам и студентам, — пишет Ричард Докинз. — Он упоминает о ней в своих статьях и лекциях. Если идея подхватывается, то говорят, что она распространяется, переходя от одного мозга к другому» [Там же]. Из этого описания вытекает, что мем — это информация плюс «транспортное средство» репликации, происходящей «с помощью устного и письменного слова, подкрепляемого великой музыкой и изобразительным искусством» [Докинз 2019: 296]. Развивая аналогию с эволюцией генофонда, следует предположить, что и мемфонд изменяется с течением времени. Объектом исследования, описанного в данной статье, послужил мемфонд революции 1917 г., а предметом — пути

трансформации некоторых мемов, содержащих информацию, которую принято считать ключевой, о ходе событий 25 октября (7 ноября) 1917 г. Выбор материала для исследования обусловлен несколькими факторами. Во-первых, Октябрьская революция в наши дни привлекает внимание общества в связи с недавним столетием событий, изменивших ход мировой истории. Во-вторых, в течение более чем семидесяти лет революция 1917 г. преподносилась обществу как важнейшее событие в истории России и — шире — СССР, в связи с чем она стала объектом художественного осмысления, получившего воплощение в произведениях литературы, изобразительного искусства, театра и кино. Описание и анализ революционных событий были обязательной составляющей любого учебника истории СССР, причем существовал определенный научный канон представления революции, что, в частности, отразилось в стандартизации и фактического содержания глав, освещающих эту тему, и языковой формы описания событий. Кроме того, октябрьские события 1917 г. и их участники самых разных рангов выступали как мощный инструмент политической пропаганды. Революция 1917 г., таким образом, с большой вероятностью была обязательной составляющей представления о мире любого человека, жившего в СССР. Причем, что чрезвычайно важно для данной работы, знания об Октябре 1917 года получались уже в готовом виде — стандартное содержание «упаковывалось» в стандартную языковую форму и «приправлялось» обязательной положительной оценкой. В-третьих, произошедшие в конце XX в. изменения политических ценностей и идеологических установок общества привели к кардинальному переосмыслению ключевых событий начала XX в., и в первую очередь — Октябрьской революции, что не могло не отразиться в ее художественной и научной интерпретации. Названные причины делают революцию 1917 года ярким и наглядным материалом для рассмотрения сквозь «мемическую» призму, предложенную Р. Докинзом.

В ходе изучения материала применялись методы дискурсивного, контекстуального и стилистического анализа.

В основе исследования лежит предположение о том, что знания о важных исторических или культурных событиях являются мемами и, следовательно, обладают такими характеристиками, как (1) репликация, (2) изменчивость / вариативность, (3) эволюционирование. Очевидна зависимость (3) от (1) и (2), которая определяется подверженностью мема влиянию меняющейся социокультурной

среды. Жизнеспособность данной гипотезы мы постараемся доказать, рассматривая революцию 1917 года как мем.

Всякое важное историческое событие, проходя через фильтры медийной, учебно-академической, художественной и индивидуальной интерпретации, предстает в коллективной памяти в виде сложного конструкта. Исходное социально значимое событие не может быть зафиксировано в коллективной памяти во всей своей полноте: ряд деталей и характеристик неизбежно утрачивается. Картина произошедшего формируется при передаче информации через индивидуальные и медийные каналы, в результате чего складывается представление о событии, которое мы назовем протомемом. Протомем социально значим, что обеспечивает его готовность к репликации, но в то же время он объемлен и многокомпонентен, в связи с чем неудобен для передачи в пространстве и во времени и, как следствие, нуждается в свертывании. Протомем недолговечен: он, в соответствии с гегелевским законом отрицания отрицания, порождает мемы и перестает существовать. Мем в том смысле, в каком понимали его Р. Докинз и его последователи, имеет знаковую природу. В качестве означаемого выступают отобранные и закреплённые в коллективной памяти социума представления об историческом событии, в том числе о его участниках и разнообразных сопутствующих обстоятельствах. Протомем и означаемое мема не тождественны, так как, с одной стороны, далеко не все реальные факты и детали остаются в коллективной памяти, а с другой — те, что остаются, могут быть сознательно или бессознательно трансформированы. Кроме того, с течением времени исторический факт получает закреплённую общественную оценку, которая не обязательно разделяется каждым членом социума, но, по крайней мере, каждому известна. Материальная сторона мема может быть вербальной, музыкальной, визуальной и т. п., причем одна форма не исключает другую: одно и то же содержание может иметь одновременно несколько различных форм выражения. Форма служит «транспортным средством», благодаря которому мем передается по горизонтали (от одного человека к другому или от одной группы людей к другой) и по вертикали (от поколения к поколению). Мем — это не гомогенная сущность, он дискретен и структурирован, и элементы, входящие в него, могут, в свою очередь, выступать как самостоятельные мемы. Можно говорить о прямой пропорциональной зависимости между масштабностью исходного события и продук-

тивностью соответствующего мема: чем значительней событие, тем большее количество мемов оно порождает.

Революция 1917 г. — это событие, важность которого была сразу оценена современниками. Мем «революция 1917 года» эволюционировал, меняя форму, оценочность и даже фактическое содержание. Эти трансформации связаны с изменениями в обществе, сопровождавшимися сменой идеологической парадигмы, и, как следствие, с расширением набора контекстов, в которых используются те или иные мемы.

Для удобства анализа выделим составляющие протомема, а затем рассмотрим, как они реализовались в рамках мема «революция 1917 года». Отбор ключевых составляющих проводился с опорой на выдержки из газетных публикаций октября — ноября 1917 г. [Алексеева 2014] (формирование протомема), а также на типичное для советского времени (когда происходило формирование мема) описание революционных событий, представленных в учебниках по истории той поры. Протомем «революция 1917 года» включает в себя следующие события (Февральскую революцию 1917 г. мы сознательно не рассматриваем): прибытие В. И. Ленина в Петроград; выступление с броневика на Финляндском вокзале; написание «Апрельских тезисов»; «апрельский кризис»; «июльские дни»; отъезд Ленина в Разлив; корниловское выступление; Всероссийское демократическое совещание; создание Военно-революционного комитета; контроль большевистских сил над важнейшими объектами в Петрограде; отъезд Керенского; выстрелы с крейсера «Аврора» и из Петропавловской крепости; вход групп восставших в Зимний дворец (где, попутно заметим, располагался военный госпиталь); арест Временного правительства; воззвание Съезда рабочих и солдатских депутатов «Вся власть Советам!». Каждое из этих событий представляет собой совокупность последовательных действий, сценарий. Как составные элементы протомема выступают и объекты материального мира (например, пломбированный вагон, шалаш, броневик, крейсер «Аврора», Зимний дворец), речевые произведения («Апрельские тезисы», «Вся власть Советам!», «Революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась»), люди (В. И. Ленин, Николай II, А. Ф. Керенский, генерал Л. Г. Корнилов, Л. Д. Троцкий, Я. М. Свердлов и др.). Протомем превращается в мем тогда, когда он становится объектом массовой интерпретации (например, о произошедшем в ночь с 25 на 26 октября 1917 года написали в ряде

газет), т. е. приобретает форму — означающее. При этом происходит отсев тех фактов, которые интерпретатор считает несущественными или не вписывающимися в создаваемую им идеологически окрашенную картину.

В результате многочисленных интерпретаций, осмысления, а также под влиянием постоянно меняющегося политического, социального и культурного дискурса на базе описанного выше протомема сложился зонтичный мем «революция 1917 года». Точнее, сложилось несколько мемов, каждый из которых функционировал в своей социокультурной среде и характеризовался особой оценочностью. Исходя из целей, стоящих перед нами, при написании данной статьи мы решили сосредоточиться только на том меме, который вырос на основе официально одобренной в СССР интерпретации революции 1917 г. По сравнению с протомемом он характеризуется, с одной стороны, сужением фактической базы (так, в меме отсутствует отнесенность к апрельскому кризису или к июльским дням; акт обстрела Зимнего дворца из Петропавловской крепости), с другой — появлением новых деталей; кроме того, значимость частных мемов, формирующих зонтичный мем, изменилась. Также мем приобретает устойчивое материальное воплощение в рассказах, фильмах, спектаклях, с помощью которых не только осуществляется распространение мема и его закрепление в культурной памяти, но и его эволюция. Форма и содержание культурно-исторического мема — это взаимозависимые стороны, каждая из которых до известной степени определяет другую. В частности, в захвате Зимнего дворца участвовало не так много людей и им не было оказано такого жестокого сопротивления, как это представил в своем фильме «Октябрь» Сергей Эйзенштейн, однако под влиянием фильма и ряда других визуализированных и театрализованных интерпретаций в коллективной памяти закрепилось представление о захвате Зимнего дворца как о массовой и кровопролитной акции. В качестве означающего «революционного» мема выступают и визуальные образы, в том числе те, которые связаны с событиями, составляющими фактическую канву мема «революция 1917 года». Иначе говоря, означающее частного переносится на общее — по типу синекдохи: изображение крейсера «Аврора» становится материальным воплощением революции в целом, что можно видеть и на советских поздравительных открытках, и на ордене Октябрьской Революции.

Частные мемы, составляющие мем «революция 1917 года», подобно своему мему-

«зонтику», характеризуются асимметричностью отношений между формой и содержанием: одно и то же содержание представлено множеством разнородных форм. Вариативность средств выражения формируется по радиальному и цепочечному принципам. Мем может одновременно получить и визуальную (например, живописную), и вербальную (устную или письменную) закрепленность, которые впоследствии служат основой для новых означающих. Такой тип возникновения множественных материальных воплощений мема реализуется в соответствии с радиальным принципом. Цепочечный принцип формирования означающих представлен следующим примером. Приезд В. И. Ленина 3 апреля 1917 г. на Финляндский вокзал и речь, обращенная к приветствовавшим его рабочим и солдатам, которую он произнес, стоя на броневике, нашли отражение в многочисленных описаниях (вербальное означающее₁), затем был выделен центральный эпизод этого события — речь, произнесенная с броневика, — который и воплощен в памятнике 1926 г. скульптора С. А. Евсеева (невербальное означающее₂). Особенность невербального означающего состоит в том, что оно, продолжая выполнять свою функцию «свертки» и «транспортного средства» мема, само становится означаемым, связанным и с новым вербальным означающим_{2-а} (народное название памятника «Ленин на броневике»), и с изображением этого памятника на поздравительных открытках, почтовых марках, плакатах и т. п. — невербальное означающее_{2-б}. Связаны ли означающие 2-а и 2-б с исходным мемом «приезд Ленина на Финляндский вокзал»? Ответ на этот вопрос зависит от того, в каком историко-культурном контексте функционирует мем. До тех пор пока событие революции 1917 года сохраняло свою пропагандистскую значимость и выполняло роль идеологической скрепы, словосочетание «Ленин на броневике» или изображение силуэта человека с вытянутой вперед и вверх рукой, стоящего на постаменте, на фоне схематически изображенной карты СССР красного цвета (так выглядел серебряный значок, выпущенный в 1957 г.) не утрачивали своей связи с мемом «революция 1917 года» и были его означающими. Социально-политические трансформации, вызванные перестройкой, повлекли за собой структурные изменения мемфонда, в результате чего связь между означающими второго порядка и исходным мемом если не исчезла совсем, то значительно ослабла. Эволюция мема «Ленин на броневике» более подробно будет рассмотрена ниже.

Здесь же нам хотелось показать на примере этого мема, как складываются отношения между означаемым и означающим и что лежит в основе трансформаций мемов.

Как видно из предыдущего анализа, существует тесная взаимосвязь содержания и формы мема: не только содержание определяет способ и форму выражения, но и наоборот — форма способна оказывать влияние на содержательную сторону мема. Обратимся к конкретным примерам, с тем чтобы проследить пути взаимодействия материальной и идеальной составляющих мема, показать некоторые закономерности этого взаимодействия и проиллюстрировать их. Для рассмотрения выберем несколько мемов, входящих в состав объединяющего мема «революция 1917 года»: «Ленин на броневике», «Апрельские тезисы», «штурм Зимнего дворца», «Керенский», «Крейсер „Аврора“». Выбор именно этих мемов обусловлен тем, что, во-первых, каждый из них служил значимым маркером определенного этапа революции 1917 г.; во-вторых, все названные мемы отличаются друг от друга характером отношений формы и содержания, что дает возможность показать, как эти различия влияют на их эволюцию; в-третьих, их трансформация наглядно демонстрирует, как изменилось означаемое мема «революция 1917 года» в течение последних десятилетий.

Эволюция мема «Ленин на броневике» интересна потому, что ее характер определяется двухуровневой структурой этого мема. Изначально содержание мема «Ленин на броневике» — это образ харизматичного лидера, призывающего солдат, матросов и рабочих к социалистической революции; начало нового этапа значимого события в истории страны и мира. Как говорилось выше, одно из материальных воплощений первичного мема, а именно памятник, само стало мемом, и обращение к нему в современных текстах встречается гораздо чаще, чем к его предшественнику; более того, связь между первичным и вторичным мемом носит поверхностный характер: в тех художественных и публицистических текстах, в которых актуализируется вторичный мем, присутствует отсылка к характерной ленинской позе при отсутствии каких-либо историко-культурных или политических смысловых приращений, например: «Кот гримасничает — он то встает в позу Наполеона, скрестив руки на груди, то в позу Ленина на броневике, одна рука за воображаемую жилетку, другая вперед» (Е. Завершнева. Высотка (2012)) [НКРЯ] или «Другой рукой, нелепым обвиняющим жестом, заставляющим вспомнить

Ленина на броневике, вампирша указала на край крыши» (С. Лукьяненко. Ночной дозор (1998)) [Там же].

Если же в речи и возникает обращение к исходному мему, то контекстуальный анализ показывает, что мем эволюционировал в направлениях изменения содержания и оценочности: «Структура толпы, сердце толпы — это ее ядро. Это может быть группа организаторов-лидеров (Ленин на броневике, Жирик на трибуне) или же просто кучка остолопов, вокруг которых нарастает „мясо“ из сотни-другой желающих потолпиться» (Д. Подольяк. Нас много! Толпимся с умом (2004)) [НКРЯ]. В этом примере означаемое мема — словосочетание «Ленин на броневике» — оказалось в одном ряду со словосочетанием «Жирик на трибуне», в котором пренебрежительное отношение к политическому лидеру выражено самой формой его наименования, а также со словосочетанием «кучка остолопов», в котором содержится негативная оценочность. Употребление имени Ленина в одном ряду с прозвищем В. В. Жириновского и просторечным «остолопы» лишает ситуацию обозначенную словосочетанием «Ленин на броневике», ореола величия. Общее же содержание высказывания, в котором использовано интересующее нас словосочетание, указывает на то, что «Ленин на броневике» обозначает «организатора-лидера», а какие-либо смыслы, связанные с началом революционных событий, в данном контексте не актуализируются. Обобщая наблюдения за судьбой мема «Ленин на броневике», скажем, что его эволюция происходила по пути разрушения целостности первоначального мема: вместо ситуации-«сценария» в качестве означаемого выступает лишь ее центральный элемент (Ленин), при этом в речи чаще наблюдается отнесенность к позе Ленина, к той, в которой он запечатлен скульптором Евсеевым, а точнее — к жесту, к вытянутой вперед руке. Следовательно, можно говорить о произошедшем разрыве между означаемым «Ленин на броневике» и первоначально связанной с ним ситуацией.

Обратимся к еще одному мему, неразрывно связанному с революцией 1917 года, — программному ленинскому тексту, известному под названием «Апрельские тезисы». Его отличие от рассмотренного выше мема заключается и в природе означаемого, и в форме означаемого, что оказало влияние на своеобразный характер эволюции этого мема. Протомемом служат сами тезисы, опубликованные в газете «Правда» 7 апреля 1917 г., обстоятельства их публикации и их программная роль в революции. Как мем

(мем₁) «Апрельские тезисы» начали свое функционирование тогда, когда их стали пересказывать в СМИ и учебниках, добавляя в ходе пересказа оценочный компонент. Обязательность изучения «Апрельских тезисов» в советской школе и в вузах, частое упоминание именно названия ленинской работы, предшествование оценочной аннотации знакомству с текстом привели к тому, что содержание мема «Апрельские тезисы» эволюционировало следующим образом. Сам текст тезисов стал нерелевантен, а существенной для идентификации этого мема (мем₂) остается исключительная значимость тезисов в истории революции, а также в кругу ленинских работ. Примером обращения к этому мему служит следующая цитата: «Эти тезисы в истории политических идей имеют приблизительно такое же значение, какое имели апрельские тезисы Ленина по возвращении его из эмиграции» (М. В. Вишняк. Дань прошлому (1953)) [НКРЯ]. С течением времени целостное значение мема₂ расплодилось по принципу радиального эволюционного развития. Одно из означаемых эволюционировавшего мема (мем_{3-а}) — основополагающая работа В. И. Ленина (совсем не обязательно, чтобы это были именно тезисы знаменитого доклада Ленина). Референцию к такому содержанию мема обнаруживаем, например, здесь: «Там посреди пыльной клумбы виднелся памятник Ленину, изображавший дни, проведенные прототипом в Разливе. Гипсовый Ильич, расположившись на гипсовом пне, писал в гипсовой тетради „Апрельские тезисы“...» (В. Войнович. Монументальная пропаганда // Знамя, 2000) [НКРЯ]. В следующем примере пунктуационное и орфографическое оформление словосочетания (отсутствие кавычек и прописной буквы) указывает на апеллирование идео-нима, что отражает утрату связи мема_{3-а}, к которому отсылает данный фрагмент, с первичным мемом₂, имеющим такое же означаемое: «Ленин в накинута на плечи пиджаке сидит на пеньке у своего шалаша и быстро пишет апрельские тезисы в середине июля...» (В. Войнович. Монументальная пропаганда // Знамя, 2000) [Там же].

Второе значение (мем_{3-б}), появившееся в результате распада мема₂, — тезисно сформулированные план действий, программа, свод правил и т. п., увидевшие свет в апреле, значимость которых для данной ситуации так же велика, как значимость «Апрельских тезисов» для революции 1917 г. Генезис этого мема позволяет использовать выражение «апрельские тезисы» без подробного обоснования важной роли того текста, о котором идет речь: «Эмиссары пред-

ложили Зимину должность и весьма завидную для апреля 1993 года зарплату. Но он уже вкусил чувство экономической свободы и простора действий, чувство успеха. Отказываться от этого не хотелось. Он составил „апрельские тезисы“, в которых лаконично, жестко, но внятно обрисовал свое видение их взаимоотношений и ближайших шагов компании» (Г. Горелик. Наука и жизнь российского предпринимателя: Рождение дела // Знание — сила (2003)) [Там же]. Триггером обращения к мему₃₋₆ является формальный момент — время создания текста (апрель), которому придается особое значение, что повлекло за собой своего рода девальвацию содержания мема. Выражение «апрельские тезисы» используется, в частности, на страницах глянцевого журнала в статьях о здоровье, спорте и уходе за внешностью: «Апрельские тезисы: больше зелени, меньше калорий» (статья О. Касаткиной в газете «Комсомольская правда» от 21 апреля 2016 г.), «Апрельские тезисы: эксперты рассказали, какие бьюти-процедуры необходимы читинкам весной» (публикация Д. Юринской в сетевом издании «Гуранка. Ru. — Женский интернет Читы» от 3 апреля 2017 г.), а в Томске название «Апрельские тезисы» получил региональный фестиваль театральные капустников. Приведенные выше примеры говорят об утрате мемом₃₋₆ смыслового объема и аксиологического аспекта, что, возможно, определяет путь дальнейших изменений этого мема, связанных с ростом значимости формы. Оно (словосочетание «апрельские тезисы») представляет собой логозпистему, которая характеризуется формальной и семантической гибкостью, способностью быть включенной в любой контекст. Таким образом, эволюция мема «Апрельские тезисы» привела к тому, что его означющее стало «стандартным типом языковой реакции носителя языка на внешние стимулы» [Костомаров, Бурвикова 2005: 7].

Следующий мем, с необходимостью входящий в картину Октябрьской революции 1917 года, — это «штурм Зимнего дворца». Он служит примером того, как в результате эволюции мем меняет и форму, и содержание. Зимний дворец сдался почти без сопротивления, поэтому более уместным было бы описание этого события словосочетанием «взятие Зимнего дворца» или «захват Зимнего дворца». В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова слово «штурм» имеет значение «приступ, решительная атака укрепленной позиции, крепости» [Ожегов, Шведова 1999: 902], т. е. сильный импликационал слова включает признак «сопротивления», которое, как свидетельствуют исторические

документы, было незначительным. Таково содержание протомема, положенного в основу мема с означаемым «штурм Зимнего дворца». Репликация мема осуществлялась вербально, визуально (см., в частности, работы художника-авангардиста Р. Френца) и посредством театрализованных представлений на площади Урицкого (ныне Дворцовая площадь), посвященных третьей годовщине Октябрьской революции. Вот как описывает это действие Александр Рекемчук: «Броневики, идущие на штурм Зимнего дворца во главе полуторатысячной лавины красногвардейцев; грохочущие в небе аэропланы, эскадренные миноносцы, атакующие с Невы оплот царизма и Временного правительства. Залпы крейсера „Аврора“, которые и послужили точкой отсчета всей этой художественной самодеятельности. Всё это было заснято на киноплёнку» (А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006)) [НКРЯ]. Так был сформирован мем, который, в свою очередь, продуцировал всё новые и новые означаемые. Пожалуй, самым известным из них и оказавшим наибольшее влияние на фиксацию в коллективной памяти содержания мема «штурм Зимнего дворца» является фильм Сергея Эйзенштейна «Октябрь», снятый к десятилетию революции. Несмотря на то что режиссер был знаком с документальными описаниями и со свидетельствами очевидцев захвата Зимнего дворца, он решил воплотить на экране именно уже сложившийся к тому времени мем, а не протомем, в результате чего событие было представлено как массовая кровопролитная военизированная акция. Обращение к этому мему в речи встречается, например, в следующем фрагменте: «Они пришли через несколько дней. Пришли ночью, зажгли костры вокруг отделения и стали швырять в окна камни. — Эд! — кричали они. — Даешь свободу! — и опять: — Эд! <...> Голосов было много, зарево костров мощно похлало в окна буйного отделения. <...> „Какие молодцы, — думал он, лежа под одеялом и прислушиваясь к крикам. — Пришли его выручить! Как на штурм Зимнего явились!“» (Эдуард Лимон. Молодой негодяй (1985)) [Там же]. Этот пример показывает, что мем «штурм Зимнего» организован как сценарий, элементы и эпизоды которого носят устойчивый характер.

Непосредственно со штурмом Зимнего дворца связан мем «залп крейсера „Аврора“» / «залп „Авроры“». Известно, что с крейсера «Аврора» был сделан один холостой выстрел, послуживший сигналом к началу атаки Зимнего дворца (протомем). Однако, как пишет Э. В. Кардин, «буржуазная пресса подняла крик о залпе пушек револю-

ционного корабля, якобы повредившем исторические ценности Зимнего дворца» [Кардин 1989: 2]. Хотя, как указывает Э. В. Кардин, матросы «Авроры» написали письмо-опровержение, опубликованное 27 октября 1917 г. в газете «Правда», всё-таки в качестве означающего мема закрепилось словосочетание «залп крейсера „Аврора“» / «залп „Авроры“». В многочисленных описаниях захвата Зимнего дворца, созданных в советское время, крейсер «Аврора» фигурировал всегда, однако характер произведенных с него выстрелов (или выстрела) не уточнялся. Так, в школьном учебнике истории 1961 г. говорится о заряженных пушках (множественное число), но об одном выстреле: «Матросы сняли чехлы с пушек, заложили снаряды. Раздалась команда, и грянул выстрел. Это был условный сигнал. Начался штурм Зимнего» [Алексеев, Карцов 1961: 97], в учебнике 1952 г. вообще о выстрелах не сказано, равно как и отсутствует детальная картина описания захвата Зимнего дворца, однако упоминаются орудия «Авроры»: «Орудия „Авроры“ были наведены на последнее убежище буржуазной власти — Зимний дворец» [Базилевич, Бахрушин и др. 1952: 170]. В новое время упоминания о крейсере «Аврора» тоже появляются на страницах школьных учебников: «В Неву вошёл крейсер „Аврора“, залп его орудий 25 октября 1917 г. стал сигналом к штурму Зимнего» [Загладин, Козленко и др. 2007: 93]. Авторы учебника стремятся к фактической точности, и хотя называют взятие Зимнего «штурмом», но отмечают, что при захвате дворца серьезного сопротивления большевикам оказано не было, однако в то же время используют слово «залп» при описании одного (чего явно недостаточно для «залпа») выстрела с «Авроры». Таким образом, «залп крейсера „Аврора“» — это устойчивый мем, содержание которого варьируется в пределах «один выстрел / несколько выстрелов» и «выстрел холостой / боевой». Неварируемая часть — это тот факт, что «Аврора» дала сигнал к началу штурма Зимнего дворца. Означающее мема носит не только вербальный, но и визуальный характер: выше уже говорилось о растиражированных изображениях крейсера «Аврора», которые стали полифункциональны: за ними скрывается содержание сразу двух мемов — и революции в целом, и выстрела, сигнализировавшего о начале ее решающей фазы. Эволюция мема шла по пути увеличения числа означающих, в то время как означаемое оставалось стабильным. Однако стоит отметить, что обращение к этому мему в текстах последних десятилетий нередко но-

сит иронический, а то и саркастический характер — если в тексте есть отсылка к революционным событиям: «Стараясь не выдать своего замешательства, я перевернул сразу несколько страниц и попал куда-то в середину исторического раздела: 74. По какому объекту стрелял крейсер „Аврора“? а) рейхстаг б) броненосец „Потёмкин“ в) Белый дом» (В. Пелевин. Чапаев и Пустота (1996)) [НКРЯ]; «Свой вклад в копилку интересных советских вопросов в 1975 году сделал Михаил Матусовский. На музыку Шаинского он написал песню для мультфильма „Аврора“. Да-да, именно эту: «Что тебе снится, крейсер „Аврора“?» Подразумевалось, конечно, что бойцы вспоминают минувшие дни, а крейсер „Аврора“ — знаменитый холостой выстрел. У „Авроры“ — сладкий сон победителя. А у нас — кошмарный сон, в котором мы жили долгих 70 лет» (В. Быков, О. Деркач. Книга века (2000)) [Там же]. Вне отнесенности к революционным событиям актуализация мема может происходить в шутивно-юмористическом контексте: «А в разговорах как раз Тимофей и не был силен. Лучше бы как крейсер Аврора, один раз ахнул, и хватит...» (Т. Устинова. Персональный ангел (2002)) [Там же]. Приведенные примеры показывают, что, несмотря на свою содержательную устойчивость, мем всё-таки эволюционирует, что наблюдается в изменении содержания оценочного компонента.

В заключение обратимся к мему, закреплённому в языке в виде имени собственного — фамилии *Керенский* — и представляющему собой один эпизод, связанный с обстоятельствами отъезда министра-председателя Временного правительства из Зимнего дворца в ночь на 25 октября 1917 года. А. Ф. Керенский выехал на автомобиле американского посольства из Петрограда в Гатчину в надежде встретить войска, направленные в поддержку Временному правительству. Однако этот протомем еще в самом начале своего существования претерпел значительные трансформации, и порожденный им мем не имеет с реальностью почти ничего общего. После отъезда Керенского из Зимнего дворца был пущен слух, что он бежал, переодевшись в платье сестры милосердия. Так сформировались основные составляющие мема: план содержания — побег из Зимнего (тайный отъезд) главы правительства, в качестве маскировки — переодевание в платье сестры милосердия; план выражения — устный (вскоре, видимо, получивший письменную фиксацию) рассказ. Закреплению содержания мема способствовали живописные и карикатурные изображения Керенского в платье, причем наряду с

платьем сестры милосердия изображалось и платье горничной, и не являющееся униформой платье, что привело к трансформации содержания мема. На его базе сформировался такой мем: «глава государства в минуту опасности спасается бегством, переодевшись в женское платье». Ни форма, ни содержание мема не имеют никакого (или почти никакого, в зависимости от того, как трактовать слово «отъезд») отношения к действительным событиям, однако в коллективной памяти этот мем неразрывно связан с революцией 1917 года. Он оказался самым устойчивым из всех, рассмотренных выше, на что указывают многочисленные отсылки в самых разных текстах, например, в названии публикации «Александр Керенский: в платье и без» в сетевом издании «Русская семёрка» от 18 мая 2017 г. или в записи в «Живом журнале» пользователя Sam_buddy, названной «Керенский: — Навальный, вы уже можете начинать примерять женское платье, может пригодиться». Причину устойчивости этого мема можно увидеть в том, что он никогда не был достаточно глубок: ситуация, повлекшая за собой его появление, искусственно усложняется. Кроме того, со временем не меняется оценочный компонент этого мема, что тоже способствует его устойчивости. Эволюция мема принципиально близка трансформации, которую претерпел мем «апрельские тезисы», однако всё же не повторяет ее. Итак, мем₁ — это побег переодевшегося в платье сестры милосердия председателя Временного правительства из Зимнего дворца в минуту нависшей над страной угрозы. Способом передачи этого мема служат и короткие анекдоты, и рассказы, и карикатуры, и живописные произведения. Затем в содержательном отношении мем упрощается (мем₂ — побег из Зимнего дворца переодетого в женское платье председателя Временного правительства), но формы его передачи остаются прежними. Со временем эволюционируют и форма, и содержание мема₂, но новые мемы, в отличие от «апрельских тезисов», не отрицают предшествующие и не порывают с ними связи. Мем₂ порождает более простое означающее — «Керенский», за которым закрепляется и содержание мема₂, и два новых: мем_{3-а} — «глава государства, предательски покинувший свой пост», мем_{3-б} — «мужчина, переодевшийся в женское платье, чтобы скрыться» и мем_{3-в} — «мужчина, переодевшийся в женское платье». Обращение к мем₂ и мем_{3-а} обнаруживаем в интервью Алексея Венедиктова, данном ведущей программы «Особое мнение» радиостанции «Эхо Москвы» от 26 февраля 2014 г. Ольге

Журавлёвой: «А. Венедиктов. <...> Они там между собой уже называют, как я понимаю, Януковича „Керенским“. У нас же образованные люди. — О. Журавлёва. Ну, про женское платье уже давно шли разговоры. — А. Венедиктов. Не-не-не. Именно вот казус Керенского, да? Глава правительства бежал. Ну, глава государства исчез, сбежал». В приведенном примере интересно столкновение двух родственных мемов и поправка, которую счел необходимым сделать А. Венедиктов, фактически указав на то, что он имел в виду другого «Керенского», не того, о котором подумала О. Журавлёва. Примером актуализации мема_{3-б} служит заголовок «По примеру Керенского» в газете «Новое время» от 17 ноября 2015 г. В заметке говорится о боевиках ИГИЛ, пытавшихся бежать из-под Алеппо, переодевшись в женские платья. Мем_{3-в}, содержание которого редуцировано до возможного минимума, выступает, в частности, в тексте комментария («...Керенский...») к заметке А. Ласнова в деловой газете «Взгляд» от 26 декабря 2017 г. о том, как мужчина, переодевшись в женскую одежду, хотел взять кредит. Результат эволюции мема_{3-в}, идущей по пути утраты содержательного объема, наблюдается в случае комментария («Керенский, ...») к заметке В. Даниленко «Не по-мужски как-то: черноморца подозревают в краже женских платьев» в сетевом издании «Хакасия-Информ» от 6 сентября 2017 г. Здесь отмечается ассоциативная реакция, когда соседство слов «мужчина» и «платье» вызвало в памяти читателя газеты имя Керенского. Вряд ли последний пример можно рассматривать как реализацию мема, скорее он иллюстрирует процесс ослабления связи между означаемым и означаемым мема и перехода имени в разряд прецедентных.

Наблюдения за приведенными выше примерами мемов, составляющих в культурной памяти россиян картину Октябрьской революции, позволяют сделать некоторые выводы о причинах и путях их изменений с течением времени. Во-первых, все мемы, за исключением мема «Керенский», изменили аксиологическое содержание, что связано в первую очередь с изменением политического строя в стране. Освобождение от идеологически мотивированной ценностной значимости происходит за счет расширения круга контекстов, в которые может быть включено вербальное означающее мема. Во-вторых, эволюционируют и форма, и содержание мема, но не одновременно, а последовательно. Изменения одной стороны влекут за собой изменения другой. В-третьих, эволюция содержательной стороны может идти

линейно, по цепочечному принципу, или же разнонаправленно, по радиальному принципу. В-четвертых, вербальная форма мема, с одной стороны, изменяется по пути уменьшения количества слов, используемых для обозначения ситуации, а с другой — повышения степени их идиоматичности, что способствует повышению самостоятельности и самоценности означающего и превращает его в вербальный прецедентный феномен. Каждый из рассмотренных мемов в процессе эволюции несет в себе всё меньше информации о событии, его породившем, и всё больше — о контекстах, в которые он включается. Более устойчивы в этом смысле те мемы, которые имеют разнородные формальные средства выражения — и вербальные, и визуальные, и звуковые. При этом наличие вербальной формы обязательно, но если она служит только средством репликации мема, то мем утрачивает историческую глубину и становится равным своему означающему.

Проанализированные обращения к мемам Октябрьской революции в современных текстах показывают, что для национально-лингвокультурного сообщества рубежа XX — XXI вв. революция 1917 года — это мем, в котором форма доминирует над содержанием, а историческая глубина и изначальный аксиологический компонент стремятся к нулю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. П., Карцов В. Г. История СССР : учебная книга для 4-го класса. — М. : Учпедгиз, 1961. 159 с.
2. Алексеева Л. Русская комедия. Что писали газеты мира в дни революции 1917 года [Электронный ресурс] // Аргу-

менты и факты. 2014. 7 нояб. URL: http://www.aif.ru/society/history/russkaya_komediya_chto_pisali_gazety_mira_v_dni_revolucii_1917_goda (дата обращения: 13.07.2019).

3. Базилевич К. В., Бахрушин С. В., Панкратова А. М., Фохт А. В. История СССР : учеб. для X класса средней школы / под ред. проф. А. М. Панкратовой. — М. : Учпедгиз, 1952. 420 с.

4. Глухих В. А., Елисеев С. М. Интернет-мемы как инструменты публичной политики // Дискурс. 2017. № 4. С. 90—96.

5. Гридина Т. А., Талашманов С. С. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 32—38.

6. Докинз Р. Эгоистичный ген. — М. : Corpus, 2019. 512 с.

7. Загладин Н. В., Козленко С. И., Минаков С. Т., Петров Ю. А. История России: XX — начало XXI века. 5-е изд. — М., 2007. 480 с.

8. Кардин Э. В. Легенды и факты: литературная критика, литературная полемика. — М. : Правда, 1989. 46 с. (Библиотека «Огонёк»).

9. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. След культуры в языке, или След языка в культуре // Речевое общение: специализированный вестник: филологические дисциплины в высшей школе / Краснояр. гос. ун-т; под ред. А. П. Сквородникова и Л. В. Фарисенковой. — Красноярск, 2005. С. 5—10.

10. Кронгауз М. Самоучитель олбанского. — М., 2013.

11. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 13.07.2019).

12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 1999. 944 с.

13. Осипов С. Александр Керенский: «Не бежал я из Зимнего дворца в женском платье!» [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2010. 9 июня. URL: http://www.aif.ru/society/history/aleksandr_kerenskiy_ne_bezhal_za_zimnego_dvorca_v_zhenskom_plate (дата обращения: 13.07.2019).

14. Шурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. Филология. 2012. № 3.

15. Hess A. Memes, myself and I: the internet lets us all run the campaign [Electronic resource] // The New York Times. 4.11. 2016. URL: <https://www.nytimes.com/.../memes-myself-and-i-the-interne...> (date of access: 17.01.2018).

T. E. Nikol'skaya

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-9571-5417

 E-mail: t.e.nikolskaya@gmail.com.

Born by the Revolution: Memes of the Revolution in the Language and Culture of the 21st Century

ABSTRACT. *The author looks at the linguistic and cultural legacy of the 1917 October revolution through the prism of the meme theory. Memes are reproducible and replicable units of cultural information that evolve in the process of inter-generational transfer — similar to genes that transfer biological information. The article analyzes transformation and evolutionary paths of content and evaluative components of such memes as “storming of the Winter Palace”, “April theses”, “gun salvo of the Aurora” and “Kerensky”. Although memes can exist in collective memory in many different forms, the article pays particular attention to the verbal expression of these memes, since it is only the reproduction of memes through language that makes them truly universal. The methodology of research includes discursive, contextual and stylistic analysis. As a result of the analysis, the author comes to the following conclusions: (1) most of the memes under study change their value content over time; (2) the evolution of memes is determined by an autonomous sequential transformation of their signifier and the signified; (3) the signified components of the memes evolve either in linear or sequential way; (4) in the process of evolution the verbal form of a meme becomes idiomatic, which leads to the signifier acquiring independent value; (5) memes that have diverse signifiers are more stable in time; (6) the form of the “1917 revolution” meme dominates over its content.*

KEYWORDS: *memes; protomemes; October Revolution; political discourse; discourse analysis; linguistic heritage; cultural heritage.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Nikol'skaya Tat'yana Evgen'evna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Stylistics, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Nikol'skaya, T. E.* Born by the Revolution: Memes of the Revolution in the Language and Culture of the 21st Century / T. E. Nikol'skaya // *Political Linguistics*. — 2019. — No 4 (76). — P. 103-112. — DOI 10.26170/pl19-04-11.

REFERENCES

1. Alekseev S. P., Kartsov V. G. The History of the USSR: a Training Book for the 4th grade. — M.: Uchpedgiz, 1961. 159 p. [Istoriya SSSR : uchebnaya kniga dlya 4-go klassa. — M. : Uchpedgiz, 1961. 159 s.]. — (In Rus.)
2. Alekseeva L. Russian Comedy. What the Newspapers of the World wrote in the Days of the 1917 Revolution [Electronic resource] // Arguments and Facts. 2014. 7 Nov. [Russkaya komediya. Chto pisali gazety mira v dni revolyutsii 1917 goda // Argumenty i fakty. 2014. 7 noyab.]. URL: http://www.aif.ru/society/history/russkaya_komediya_chno_pisali_gazety_mira_v_dni_revolyutsii_1917_goda (date of access: 13.07.2019).
3. Bazilevich K. V., Bakhrushin S. V., Pankratova A. M., Fokht A. V. History of the USSR: textbook for Xth grade of secondary school / ed. prof. A.M. Pankratova. — Moscow : Uchpedgiz, 1952. 420 p. [Istoriya SSSR : ucheb. dlya Kh klassa sredney shkoly / pod red. prof. A. M. Pankratovoy. — M. : Uchpedgiz, 1952. 420 s.]. — (In Rus.)
4. Glukhikh B. A., Eliseev S. M. Internet Memes as Instruments of Public Policy // *Discourse*. 2017. No. 4. P. 90—96. [Internet-memy kak instrumenty publichnoy politiki // Diskurs. 2017. № 4. S. 90—96]. — (In Rus.)
5. Gridina T. A., Talashmanov S. S. Language Game in Modern Internet Communication: Metalinguistic Aspect // *Political Linguistics*. 2019. No 3 (75). P. 32—38. [Yazykovaya igra v sovremennoy internet-kommunikatsii: metazykovoy aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 3 (75). S. 32—38]. — (In Rus.)
6. Dokinz R. The Selfish Gene. — Moscow : Corpus, 2019. 512 p. [Egoistichnyy gen. — M. : Corpus, 2019. 512 s.]. — (In Rus.)
7. Zagladin N. V., Kozlenko S. I., Minakov S. T., Petrov Yu. A. History of Russia: XX — the beginning of the XXI century. 5th ed. — Moscow, 2007. 480 p. [Istoriya Rossii: XX — nachalo XXI veka. 5-e izd. — M., 2007. 480 s.]. — (In Rus.)
8. Kardin E. V. Legends and Facts: Literary Criticism, Literary Controversy. — Moscow : True, 1989. 46 p. (Library “Flame”). [Legendy i fakty: literaturnaya kritika, literaturnaya polemika. — M. : Pravda, 1989. 46 s. (Biblioteka «Ogonek»)]. — (In Rus.)
9. Kostomarov V. G., Burvikova N. D. Trace of Culture in Language, or Trace of Language in Culture // *Speech Communication: Specialized Messenger: Philological Disciplines in Higher Education / Krasnoyarsk State univ.*; by ed. A. P. Skovorodnikova and L. V. Farisenkova. — Krasnoyarsk, 2005. P. 5—10. [Sled kul'tury v yazyke, ili Sled yazyka v kul'ture // Rechevoe obshchenie: spetsializirovanny vestnik: filologicheskie distsipliny v vysshey shkole / Krasnoyar. gos. un-t ; pod red. A. P. Skovorodnikova i L. V. Farisenkovoy. — Krasnoyarsk, 2005. S. 5—10]. — (In Rus.)
10. Krongauz M. Tutorial of Albanian. — Moscow, 2013. [Samouchitel' olbanskogo. — M., 2013]. — (In Rus.)
11. National Corpus of the Russian Language (NCRF) [Electronic resource]. [Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYa)]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (date of access: 13.07.2019).
12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. The Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences, Institute of the Russian Language named after. V. Vinogradov. — 4th ed., Ext. — Moscow : Azbukovnik, 1999. 944 p. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy / Rossiyskaya akademiya nauk, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. — 4-e izd., dop. — M. : Azbukovnik, 1999. 944 s.]. — (In Rus.)
13. Osipov S. Alexander Kerensky: “I did not run from the Winter Palace in a woman's dress!” [Electronic resource] // Arguments and Facts. 2010. June 9. [Aleksandr Kerenskiy: «Ne bezhal ya iz Zimnego dvortsa v zhenskom plat'e!» // Argumenty i fakty. 2010. 9 iyun.]. URL: http://www.aif.ru/society/history/aleksandr_kerenskiy_ne_bezhal_ia_iz_zimnego_dvorca_v_zhenskom_plate (date of access: 13.07.2019). — (In Rus.)
14. Shchurina Yu. V. Internet Memes as a Phenomenon of Internet Communication // *Scientific Dialogue. Philology*. 2012. № 3. [Internet-memy kak fenomen internet-kommunikatsii // Nauchnyy dialog. Filologiya. 2012. № 3]. — (In Rus.)
15. Hess A. Memes, myself and I: the internet lets us all run the campaign [Electronic resource] // *The New York Times*. 4.11.2016. URL: <https://www.nytimes.com/.../memes-myself-and-i-the-interne...> (date of access: 17.01.2018).